

данность перестановки не может подвергаться сомнению: мы не должны непременно искать полного совпадения даже в подробностях между летописными известиями о походе и тем, что о нем говорится в «Слове». Если бы даже существовало разноречие между «Словом» и летописью в определении последовательности солнечного затмения и встречи братьев, это еще несколько бы не говорило против перестановки, так как такие разноречия мы встречаем и в летописных известиях.¹

Итак, опровергая А. Брюкнера, который апеллирует к летописи, Н. К. Гудзий сам отводит также и этот „очень веский аргумент“ об устранении противоречия между „Словом“ и летописью.

Действительно, нельзя искать совпадения в деталях между „Словом“ и летописью и отнюдь не только вследствие неизбежности неточностей в изложении событий у разных авторов, но и вследствие того, что летопись и „Слово“ — произведения различного характера по своему жанру. К сожалению, в своей статье Н. К. Гудзий совершенно абстрагируется от того, что „Слово о полку Игореве“ — художественное произведение, в котором не может не быть художественной переработки исторических сообщений (иначе это произведение не могло бы быть художественным), и оно не может не обладать логикой художественного произведения.

Остается еще аргумент Н. К. Гудзья, который заключается в том, что посредством перестановки достигается „логически последовательное и связанное чтение“, который, как мы видим из предыдущего, и является единственным аргументом, приведшим к убеждению о необходимости перестановки А. И. Соболевского, Н. К. Гудзья и других ученых. В самом деле, ведь верно то, что прежде всего седлают коней, а потом предлагают на них сесть, после чего и вступают в строю, а также правильно и то, что не может затмение длиться очень долго или повторяться дважды.² Но все это остается совершенно справедливым до тех пор, пока мы забываем, что „Слово о полку Игореве“ является художественным произведением, не читаем его как художественное произведение, отвлекаемся от этого факта, не принимаем во внимание его композиции и других его художественных сторон. Вспомним же прежде всего, что заподозренное место не находится в основном тексте „Слова о полку Игореве“, где мы читаем описание курских воинов и грозных предзнаменований, связанных с началом похода. Некоторые исследователи с большим основанием полагают, что текст до обращения Всеволода к Игорю относится к вступительной части „Слова о полку Игореве“.³ Прочитав отрывки из изложения вступления исследователем композиции „Слова о полку Игореве“ С. К. Шамбинаго: „Действительно, начальная фраза: «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тьмою вся своя воя прикрыты» — неожиданна. . . Словами «Трубы трубить въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ» поэт, продолжая ритмику Бояна, вторично начинает повесть. В дальнейшем он во второй раз упоминает и о затмении солнца“.⁴

Таким образом, не солнечное затмение произошло дважды, а автор упоминает о затмении солнца дважды, причем в первый раз во вступ-

¹ Н. К. Гудзий. О перестановке. . . , стр. 253—254.

² См. вышеприведенную цитату из статьи Н. К. Гудзья „О перестановке. . .“, стр. 251—252.

³ Расхождения имеются лишь в распределении отдельных строк между вступлением и основной частью, что для задачи настоящей работы не является существенным.

⁴ С. К. Шамбинаго. „Слово о полку Игореве“. История и характеристика текста. Сб. „Слово о полку Игореве“, М., 1934, стр. 187.